

Долг платежом страшен

Автор:

Алексей Макеев

Долг платежом страшен

Алексей Макеев

Николай Иванович Леонов

Полковник Гуров

Два отморозка похитили известную актрису Марию Строеву и увезли ее в неизвестном направлении. Не знали парни, что она – жена не менее известного сыщика Льва Гурова, который их из-под земли достанет. И не только для того, чтобы отомстить. Отморозки – члены банды, занимающейся выбиванием долгов по заказу некоего магната, которые не останавливаются и перед убийством. Гуров отморозков обезвредил, но это только полдела. Сыщика очень интересует личность заказчика...

Николай Леонов, Алексей Макеев

Долг платежом страшен

Глава 1

– По-моему, Гуров, ты просто ревнуешь! – со вздохом сказала Мария. – На самом деле все было просто замечательно. И ты заметил – на этот раз даже по-

настоящему никто не напился. Прекрасная, можно сказать, творческая атмосфера. Думаю, что и работа у нас пойдет. И наш итальянский гость мне очень понравился.

- Вот это я как раз заметил! - проворчал полковник Гуров, притормаживая на перекрестке и внимательно всматриваясь в сверкание огней на Садовом кольце. На светофоре горел красный.

- Ну, это просто глупо! - шутливо надула губы Мария. - Никак не ожидала от тебя. С твоей рассудительностью, с твоим жизненным опытом...

- А что опыт? - отозвался Гуров. - Я же видел, какими глазами смотрел на тебя этот Джузеппе. У него только что слюни не текли.

Мария легонько шлепнул Гурова по руке, лежавшей на баранке:

- Фу, что за выражения! Во-первых, он не Джузеппе, а Паоло. Во-вторых, это удивительно интеллигентный, тонкий человек, уникального таланта. Он приехал сюда работать, искать новые горизонты. Видеть в его поступках только низменные побуждения - это примитивно, Гуров! Итальянцы всегда преклонялись перед женской красотой, это для них так же естественно, как дышать.

- Или пускать слюни, - вставил Гуров.

- Нет, это невозможно! - вздохнула Мария. - Никогда не ожидала, что ты окажешься таким собственником! Просто домострой какой-то! До сих пор ты был более толерантен.

- До сих пор вокруг тебя не крутились итальянские красавцы с масляными глазами, - возразил Гуров. - И никакой он не талант, помани мое слово. Небось задолжал мафии кругленькую сумму и сбежал теперь в Москву. У них это обычное дело. Выдает тут себя за великого режиссера и пускает пыль в глаза выдающейся актрисе российского театра Марии Строевой.

- Ну, конечно, вот она, логика милиционера! - воскликнула Мария. - Раз итальянец - значит, мафия, раз уехал - значит, скрывается... Ты бы иногда хоть

газеты читал! И не только раздел криминальной хроники. Тогда бы ты знал, что Паоло Баттини – крупнейший режиссер современности, уважаемая в Европе фигура...

– Какой же он крупный? – упрямо сказал Гуров. – Мелкий бес какой-то. Собирается ставить Чехова, а в качестве декораций хочет построить на сцене железнодорожный тоннель. По-твоему, это режиссер? Наверняка в Италии он занимался концессиями на строительство железнодорожных тоннелей, на чем и погорел...

– Ладно, перестань! – уже по-настоящему сердито сказала Мария. – Если это шутка, то я таких шуток не понимаю.

Гуров пожал плечами. Наверное, жена права. Он чересчур завелся. Она хотела сделать ему приятное, пригласив на вечеринку, которую организовал театр, чтобы отметить знакомство с одной из звезд европейского театра. Само мероприятие прошло действительно неплохо – все были в приподнятом настроении, шутили, обменивались комплиментами с итальянским гостем, обсуждали грандиозные перспективы. На спиртные напитки никто не налегал, это правда. Даже самые отчаянные головы умерили в этот вечер свои богемные порывы – событие неординарное. Итальянец собирался ставить в Москве три пьесы. Насчет железнодорожного тоннеля на сцене Гуров слегка преувеличивал – об этом речи не шло, просто итальянский режиссер был сторонником аскетизма в декорациях. Про тоннель кто-то все-таки упоминал, но вскользь и, несомненно, в шутку, причем, кроме Гурова и еще двух-трех человек, никто ее не услышал. Все-таки общее настроение можно было выразить одним словом – воодушевление. И еще, конечно, взаимный интерес. Но с этим было сложнее. Во всяком случае, для Гурова.

К тому, что его жена, Мария Строева, является ведущей актрисой театра, снимается в кино, пользуется огромной популярностью, Гуров не то чтобы привык – привыкнуть к такому нельзя. Скорее здесь подходит определение «свыкся». Будучи человеком ясного ума, железной воли, отлично знающим себе цену, Гуров спокойно относился к толпам поклонников, среди которых зачастую попадались довольно экзальтированные личности. В сущности, весь этот ажиотаж был большой и красивой иллюзией, необходимым атрибутом образа большой актрисы. Уколы ревности Гуров чувствовал нечасто.

Однако на этой чертовой вечеринке что-то произошло. Гуров и сам понимал, что его реакцию трудно назвать реакцией зрелого человека, но не мог ничего с собой поделаться. Возможно, причина заключалась в личности самого Паоло Баттини. Наговаривал на него Гуров зря. Духовная сила и энергия этого человека чувствовались на расстоянии. Про обаяние и говорить не приходилось. Следовало еще приплюсовать сюда южный темперамент – в целом готовый портрет соперника. Это был примитивный, узкий взгляд на ситуацию, к тому же, по большому счету, оскорбительный для Марии. Ничего удивительного, что у нее стремительно портилось настроение.

Гурову не хотелось возвратиться домой на грани размолвки, и он решил спасти ситуацию немедленно. На его языке уже вертелась не слишком удачная, но вполне нейтральная шутка, которая могла бы убедить жену в том, что и до сих пор он тоже шутил и его слова нельзя воспринимать слишком всерьез. Но тут случилось небольшое происшествие, которое заставило Гурова произнести совсем другие слова.

Вся небольшая перепалка и покаянные размышления Гурова заняли всего несколько секунд, и на светофоре еще даже не успел смениться запрещающий красный свет. Но тут неожиданно слева, из-за гуровского «Пежо», вывернулась ярко-красная спортивная машина, из тех, которые Гуров про себя окрестил «пижонскими», спокойно прибавила газу и, пролетев на красный свет, свернула на Садовое кольцо. При этом она едва не чиркнула носом мирно движущийся на зеленый свет «Ниссан», но в последний момент, набрав завидную скорость, проскочила опасную зону и весело помчалась дальше. Гурову даже показалось, что он видит, как из-под колес спортивной машины взвилась струйка дыма.

– Без комплексов парнишка! – помотал головой Гуров, провожая взглядом лихача. – Вот из-за таких автомобилей и назвали источником повышенной опасности. Жаль, что на этом перекрестке не оказалось моих коллег из ГИБДД, искренне жаль!

– Не думаю, что это что-нибудь изменило бы, – уничтожающим тоном заметила Мария. – Кроме благосостояния твоих коллег, конечно. Человек, который может себе позволить такую машину, наверное, сумеет откупиться и от любого гаишника.

– Ну, во-первых, не от любого, – заступился Гуров за честь мундира. – Не надо обобщать. А во-вторых...

– Послушай, может быть, мы поедем? – перебила его Мария. – Между прочим, уже можно. Даже тем, кто не на красной машине.

Гуров сообразил, что на светофоре уже горит зеленый, и с некоторым смущением исправил свою ошибку – тронулся с места и тоже повернул налево. Спортивная машина была уже далеко.

– Я все думаю, откуда у него деньги? – вдруг задумчиво произнесла Мария. – Некрасиво это, но я любопытная, а такие вещи мне, как женщине, особенно не дают покоя.

– Ты сейчас про кого? – поинтересовался Гуров. – Ну, что не про собственного мужа, это понятно, но все равно интересно...

– Да вот про этого владельца «Ламборджини», – ответила Мария, кивая в сторону удаляющейся машины. – Это же наш осветитель. Леша Пчелинцев. На эту его, как сейчас выражаются, тачку у нас весь театр дивится.

– А что, осветители у вас прослойка несостоятельная? – спросил Гуров.

Мария покосилась на него, нахмутив брови.

– Не смей меня, Гуров! – сказала она. – Я ведь серьезно говорю. Работает парень простым осветителем. Ни интеллекта, ни амбиций особенных за ним никто не замечал. К работе относится, как говорится, в пределах разумного. При этом курит только дорогие сигареты, прекрасно одевается, меняет машины...

– Не забивай себе голову, – посоветовал Гуров. – Мы построили общество равных возможностей. Вот и у твоего осветителя появились, значит, какие-то возможности. Слава богу, если это наследство богатой бабушки. В противном случае вам придется однажды подумать о другом осветителе. Каждому овощу свое время.

– Надеюсь, моя информация не станет для тебя руководством к действию? – с легким беспокойством спросила Мария. – Я рассказала тебе это не для того, чтобы ты возбуждал против него уголовное дело...

– Уголовные дела возбуждает прокуратура, – поправил ее Гуров. –

Оперуполномоченный – это всего лишь сыщик. Ищейка. И то в том лишь случае, если получает приказ на проведение оперативно-следственных мероприятий. Я не могу хватать каждого, у кого в кармане толстый бумажник. А твоего Лешу Пчелинцева я, может быть, вообще больше никогда не увижу...

– Это вряд ли, – заметила Мария. – Он, между прочим, недалеко от нас живет. В старом пятиэтажном доме. Там даже домофонов на дверях нет.

– Ага, значит, квартирный вопрос твоему миллионеру решить не удалось?

– Да, на пентхаус Леша пока не замахнулся. По-моему, он предпочитает вкладывать деньги так, чтобы пускать пыль в глаза окружающим. Домой ведь каждого не потащишь.

– Это верно. Значит, не такой уж он баснословный богач, – заключил Гуров. – Хотя, конечно, «Ламборджини»...

В глубине души ему было совершенно наплевать на образ жизни неведомого ему осветителя. Гуров даже и не помнил его в лицо, хотя в театре, где служила жена, бывал регулярно. Вот штраф бы за проезд на красный свет он содрал с этого фанфарона с удовольствием. А еще лучше – лишил бы прав годика на полтора. Но сделать этого он не мог по двум простым причинам. Это не входило в его служебные обязанности, и догнать лихого осветителя он все равно уже не мог.

«Что выросло, то выросло, – подумал про себя Гуров. – По-настоящему я еще и благодарен должен быть этому пижону – он отвлек внимание Марии от моей занудной проповеди. Будем надеяться, что эта тема больше не всплывет. Потому что на самом деле этот жизнерадостный итальянец не вызывает у меня никаких положительных эмоций. Бывает такая неосознанная неприязнь между людьми, не зависящая ни от каких личностных качеств. Просто не обязательно выпячивать ее наружу. Будь мудрее, Гуров! А то дожил до седых волос, а ума не нажил».

Про Лешу Пчелинцева он забыл уже через минуту, заговорив с женой о театре. Он знал, что это будет ей приятно. Правда, Мария сразу поняла подтекст беседы и поддерживала ее не слишком охотно. Разговор снова увял и возобновился сам

собой, только когда они свернули к дому.

Неожиданно в переулке, которым Гуров решил проехать, они увидели странную картину. В свете уличного фонаря на тротуаре и отчасти на проезжей части металась человеческие тени. Это было похоже на ритуальный танец в честь каких-то агрессивных богов. Тени кружились вокруг уже знакомого красного автомобиля Леши Пчелинцева, который сейчас сложно было назвать символом роскоши и благополучия, потому что находился он в плачевном состоянии.

Передним бампером «Ламборджини» уткнулся в фонарный столб, и даже издали было ясно, что от соприкосновения пострадали оба – и автомобиль, и столб. Пострадали не критически. Лампа на столбе продолжала гореть, а машина вполне подлежала ремонту.

Похоже, людям, кружившимся рядом, это не нравилось, потому что занимались они весьма своеобразным делом – наносили по корпусу машины удары бейсбольными битами. Все эти подробности Гуров и Мария смогли рассмотреть, подъехав поближе.

В этот момент в голове у Гурова мелькнула странная мысль о том, что, несмотря на довольно скромное распространение бейсбола в стране, бейсбольные биты пользуются устойчивой популярностью среди определенных слоев общества. Но к развитию спорта данный факт не имеет ни малейшего отношения.

– Вот дьявол! – сорвалось у него с языка.

Пристально глядя вперед, Гуров мягко нажал на педаль тормоза и остановил машину примерно метрах в двадцати от группы суетящихся людей с битами в руках. Навскидку он определил, что их не меньше шести человек.

Мария еще не поняла, что происходит, но на ее красивом лице тоже появилась тревога.

– Лева, что случилось? Это авария? Что они такое делают? – отрывисто заговорила она, нервно перебирая пальцами ремешок сумочки.

– Побудь здесь, дорогая, – мягко, но твердо сказал Гуров и открыл дверцу машины. – А я сейчас выясню, что они делают. По-моему, это что-то незаконное. Я обязан вмешаться.

– Подожди! – воскликнула Мария, но Гуров уже отошел от машины.

Он почти сразу же перешел на бег, так как понял, что дело плохо. Шестеро плечистых и явно не совсем трезвых граждан с азартом крушили битами дорогую машину, выкрикивая при этом все непечатные и просто оскорбительные слова, которые отложились у них в памяти за долгую несправедную жизнь. Видимо, совсем не случайно в эту минуту переулок оказался совершенно пустым. От этой компании исходил удушливый и недвусмысленный аромат угрозы, эдакое радиационное облако, уничтожающее вокруг все живое. Гуров, кстати, вспомнил, что милиция в их районе – совсем не частый гость, и надеяться сейчас, в общем-то, не на кого.

С собой у него ничего не было, кроме служебного удостоверения, которое Гуров даже не потрудился достать, потому что не был уверен, умеют ли эти типы читать. У него оставалась слабая надежда на то, что они хотя бы не до конца разучились соображать.

– Прекратить немедленно! – крикнул он на бегу. – Милиция!

В пылу вандализма никто на него и внимания не обратил. По-прежнему только слышался треск обшивки, хруст стекол, хриплое дыхание и беспорядочная матерщина. Компания трудилась так усердно, будто обязалась превратить машину осветителя в металлический фарш.

Гурова очень смутило, что он нигде не видит хозяина машины. Мысленно он предложил самому себе благоприятный вариант – перепуганный Леша Пчелинцев сделал ноги и уже кварталов за пять отсюда набирает «02» на своем мобильнике.

Поскольку на его окрик никто не отреагировал, Гуров решил обратить на себя внимание более понятным способом. Он уже был за широкой спиной одного из работяг, который как раз замахивался битой, чтобы расколоть чудом оставшийся «в живых» стоп-сигнал. Гуров перехватил его потное запястье, подставил свою спину и хорошим рывком перекинул потерявшего равновесие «бейсболиста»

через плечо. Далее он придал ему ускорение и заставил совершить небольшое сальто-мортале, в результате которого разрушитель машин с размаху грянулся об асфальт.

На секунду он застыл, распластанный по тротуару. Глаза его были зажмурены, бита вывалилась из рук и откатилась в сторону. Гуров не стал дожидаться, пока противник осознает свое положение, и, быстро подобрав бесхозную биту, обернулся к остальным.

Как он и ожидал, теперь его заметили все. Пять красных, возбужденных физиономий неприязненно уставились на чужака. Пять пар мутноватых глаз выразили глубочайшее недоумение. Пять пар грязноватых кулаков мяли рукоятки тяжелых бит.

– Спокойно! – заговорил Гуров. – Не нарывайтесь, ребята! У вас и без того неприятностей выше крыши. Я – полковник милиции...

– Мусор! – высоким ненавидящим голосом выкрикнул кто-то из толпы. – Бей мусора!

Гуров понял, что не рассчитал градуса, на который была настроена эта банда. То, что он из милиции, только сыграло роль красной тряпки для этих разъяренных быков. Не раздумывая ни секунды, они разом бросились на него.

Гуров перестал стесняться и встретил первого нападающего резким ударом ноги в пах. Тот взвизгнул и откатился в сторону. Зато второй с ходу нанес страшный удар битой, намереваясь одним махом раскроить Гурову череп. Гуров подставил свою и парировал удар. Однако ответить он уже не успел – справа вывернулся еще один и, действуя битой, как штыком, ткнул Гурова своим орудием в печень.

У Гурова перехватило дыхание. Он не удержался на ногах, упал влево, сумев, однако, сгруппироваться в падении и еще раз перевернуться на асфальте, избежав следующего удара. Бита просвистела над его головой и с треском саданула по асфальту.

Гуров понял, что встать ему уже не дадут, и в отчаянном броске, лежа, нанес удар битой кому-то по лодыжке. Ответный душераздирающий вопль показал, что выпад был удачным. Но тут же сверху на левое плечо Гурова обрушилась

такая тяжесть, словно на него упал по меньшей мере рояль. Левая рука онемела.

Но не это было самое худшее. На секунду он потерял контроль за своей битой – на нее кто-то наступил и вырвал ее из руки Гурова.

– Дай я! – заорал кто-то над его головой.

Кажется, нападающие слегка помешали друг другу, но наиболее ретивый все-таки сумел дотянуться до цели. Над ухом Гурова ударил огромный колокол, и он мгновенно и, как ему показалось, необратимо оглох. Все его тело, начиная с головы, начало неметь, словно его со всех сторон обложили льдом. Все попытки пошевелить хотя бы пальцем заканчивались полным провалом, и Гуров даже не мог понять причины такой беспомощности – любая мысль тут же ускользала от него, растворялась в кромешной тьме, пока наконец эта тьма не закрыла Гурова со всех сторон.

Очнулся он от запаха нежных духов. Во всяком случае, так ему показалось. Конечно, дело было не в этом. Просто ему повезло, и последний удар битой пришелся вскользь, лишь слегка встряхнув мозги. Но голова еще гудела – в ней никак не мог утихнуть разбуженный колокол. Сквозь легкий туман в глазах Гуров увидел совсем рядом прекрасное, но слишком бледное лицо своей жены. Она сжимала холодными пальцами виски Гурова, всматривалась в его лицо и каким-то странным чужим голосом повторяла:

– Да очнись же! Очнись, прошу тебя, пожалуйста! Лева, миленький!

Она стояла на коленях прямо на асфальте, видимо, уже безнадежно испортив дорогое вечернее платье, и Гуров, подумав об этом, испытал искреннее сожаление.

– Зачем? Брось! Поднимайся! – пробормотал он, силясь поднять тяжелую, как чугун, руку. – Негоже...

– Что ты говоришь?! – В голосе Марии зазвенела радость пополам с отчаянием, и Гуров понял, что из его бормотания она не разобрала ни слова.

Собрав всю волю в кулак, он сумел приподняться на локтях и медленно, но уже довольно отчетливо произнес:

– Маша, прошу тебя, успокойся! Ничего непоправимого не случилось. Кратковременное помрачение – и только...

– Господи! – Мария порывисто прижала его голову к своей груди. – Заговорил!

От этого резкого движения у Гурова снова все поплыло перед глазами, но он заставил себя обойтись без стога. Мария, впрочем, и сама сообразила, что делает что-то не то. Она бережно отстранила голову мужа и опять жадно уставилась в его лицо. Теперь по ее щекам обильно текли слезы.

– Господи, я уже решила, что ты умер! – воскликнула она. – Чертов герой! Куда тебя понесло?

– Все нормально, все нормально, – пробурчал Гуров, пытаясь сесть.

Костюм на нем тоже был сегодня не из дешевых, и этот факт еще более смутил его.

– Правда, неловко получилось, – сказал он. – Ты платье испортила. И у меня костюмчик...

– О чем ты говоришь! – с упреком простонала Мария. – Какой, к черту, костюмчик! Лучше скажи, как ты себя чувствуешь? Кратковременное помрачение! Ты был без сознания минут пять, не меньше. Я чуть с ума не сошла от страха!

Гурову тоже вдруг стало страшно. Его жена оставалась один на один с бандитами целых пять минут, пока он преспокойно отдыхал на асфальте! Он озабоченно оглянулся:

– А где эти?

Мария не успела ответить. Гуров сам увидел лежащее под деревом тело. Оно показалось Гурову знакомым, но лежало далековато от места событий и

вызывало вопросы. К тому же тело было одно.

– Они сбежали, – пояснила Мария. – Когда я увидела, что ты погибаешь, я уже не могла оставаться на месте. Схватила баллончик с газом – даже не знаю, действует ли он, я ужасно давно его купила – и кинулась на этих подонков.

– Ты на них кинулась?! – с ужасом произнес Гуров.

– А что мне оставалось делать? – сердито отозвалась Мария. – Вашего брата, милиционера, на темные улицы не заманишь. Вот и приходится бедной женщине самой решать свои проблемы с недотепой-мужем... Бедный ты мой!

Она опять нежно прижалась к Гурову, оросив его рубашку слезами.

– Я так заорала, – вдруг поднимая глаза, призналась она, – что сама испугалась этого крика. Они, видимо, тоже, потому что, увидев бегущую на них разъяренную бабу с баллончиком в руках, просто сбежали. Попрыгали в свой автомобиль и укатили. Этого они сперва тоже хотели прихватить, но он не мог идти – по-моему, у него сломана нога. Он тоже дико орал, а потом потерял сознание. Они его бросили и уехали.

– Ты хотя бы позвонила в милицию? – спросил Гуров.

– Я позвонила Крячко!

– Почему Крячко? Зачем?! – не понял Гуров. – Нужно было вызвать патрульную службу...

– Я привыкла, что полковник Крячко всегда там, где полковник Гуров, – отрезала Мария. – Как два ботинка. Один правый, другой левый. Естественно, я позвонила ему и сказала, что тебя...

Ее слова были прерваны ревом мотора, свистом ветра, а потом душераздирающим визгом тормозов. В пяти шагах от места, где они сидели, остановился старый, потрепанный «Мерседес», и из него выскочил полковник Крячко, старый друг и неизменный напарник Гурова. Правда, сейчас он был мало похож на полковника – весь встрепанный, одетый в старые трикотажные

шаровары и домашнюю майку, Крячко более походил на дачника, которого спугнул пожар.

– Все целы?! – гаркнул он, с ходу поднимая на ноги Марию и наклоняясь к Гурову. – Так, видимых повреждений не видно. Чем тебя?

– Битой, – сказал Гуров. – Да со мной все нормально. Небольшое сотрясение. Другим пришлось хуже. Видишь, как отделали эту симпатичную модель? Позвони «02» – здесь целая банда порезвилась.

– Уже позвонил, – сказал Крячко. – Сейчас приедут. Но я не вижу тут никакой банды. Лежит какой-то один... Э-э, нет, не один!

Он вдруг заглянул под днище «Ламборджини» и присвистнул:

– Ты прав, кому-то тут навалили по полной программе. Давай-ка извлечем его из-под обломков!

Вдвоем с Гуровым они осторожно вытащили из-под машины лежащего там человека. Он тихо стонал. Лицо его было разбито в кровь.

– Да это же Леша Пчелинцев! – ахнула Мария, прижимая ладони к щекам.

– Дышит, – констатировал Гуров, проверив у раненого пульс. – Думаю, «Скорая» еще успеет доехать. Во всяком случае, будем надеяться. А что с тем – под деревом?

Вместе с Гуровым они подошли к человеку, лежащему под деревом. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что этот участник потасовки в сознании, хотя и старается притвориться бездыханным. Впрочем, состояние его действительно было серьезным. Это был тот самый, которому Гуров врезал битой по щиколотке. Даже при поверхностном осмотре было заметно, что в голеностопе переломаны обе кости.

Когда человек сел, вскрикнув от боли и прислонившись спиной к стволу дерева, стало видно, что по его туповатому некрасивому лицу стекают крупные капли пота.

– Ну что, кореш, – без обиняков спросил у него Крячко. – Развлекаемся?
Скрашиваем однообразие жизни?

Ответом ему стал мутный, ничего, кроме боли, не выражающий взгляд.

– Постой! – сказал Гуров. – Ты кто такой? За что избивали Пчелинцева? Зачем испортили машину? Отвечай!

– Не получится отвечать, мент! – скривив губы, сказал хулиган. – Зря паришься. Мне в больницу положено. Имею право послать тебя на...

– Я тебе пошлю! – Крячко сунул ему под нос увесистый кулак. – До больницы не доедешь.

– Он прав, – сказал Гуров, задумчиво оглядываясь по сторонам. – Подождем. Но я теперь лично займусь этим делом. – Он выразительно потрогал ушибленный затылок. – Запало оно, понимаешь, мне в голову!

Глава 2

– Черт его знает, но никак я не привыкну к этим новомодным штукам! – с тяжелым вздохом проговорил Аркадий Дмитриевич Дементьев. – Понимаю, что никуда не денешься, положение, так сказать, обязывает, но не могу... И потом, я ровным счетом ничего в этом не понимаю! Какие-то лунки, «железо» – номер пять, номер семь!.. Как это можно запомнить?! И зачем все это?! Зачем я, серьезный, состоявшийся человек должен ходить, как корова, по полю и махать клюшкой? К тому же тут полно подъемов... И еще эта чертова тележка сломалась!.. Увлечения у нас, как в Европе, а техника, как всегда – поломана, до мастера не дозвониться... И вообще, я последний раз здесь. Все, с меня хватит!

Он поправил на плече ремень сумки, из которой торчали клюшки для гольфа, искоса посмотрев при этом на своего спутника в надежде, что тот, как более молодой и крепкий, предложит свою помощь, но взгляд этот остался без последствий.

Молодой человек, высокий, худощавый, в синей рубашке навыпуск и в белоснежных брюках, думал о чем-то своем, рассеянно поглядывая по сторонам. Они поднимались по склону невысокого холма, покрытого ярко-зеленой травой и низким кустарником. Кое-где из травы торчали флажки, отмечавшие месторасположение лунок. К тому времени, как сломалась симпатичная белая машинка, на которой так весело было бы катить обратно по игрушечному изумрудному газону, они с Дементьевым зашли довольно далеко. Леонид Калинин – так звали молодого человека – прекрасно видел, что его не слишком спортивному спутнику нелегко тащить свою ношу, но предлагать свои услуги он не собирался. Во-первых, клюшки принадлежали не ему, а во-вторых, это было вообще не в характере Калинина – предлагать кому-то свою помощь. Он предпочитал получать – это был его главный жизненный принцип.

Однако слова Дементьева его позабавили. Он с легкой улыбкой посмотрел на Аркадия Дмитриевича, который, пыхтя и обливаясь потом, тащил свой инвентарь на вершину холма, как трудолюбивый, но очень сердитый муравей.

– Зря вы зарекаетесь, Аркадий Дмитриевич! – заметил Калинин. – Вы человек определенного круга. Не в футбол же вам играть! И потом, гольф, по-моему, совсем неплохое занятие. Просто нужна привычка. Вы, вероятно, мало двигаетесь?

– Да, работа у меня сидячая! – сердито ответил Дементьев. – Я не молотобоец. Мое дело – переговоры, контракты, рекламные акции, командировки по регионам. Я думал, что этот чертов гольф как-то меня подбодрит. На самом деле я бы куда охотнее посидел с удочкой на берегу пруда. Я простой человек на самом деле, и желания у меня самые простые. Не понимаю, почему мы во всем равняемся на этот чертов Запад?...

Калинин снова улыбнулся.

– Однако же клюшки вы себе купили, Аркадий Дмитриевич, – заметил он. – А это недешевое удовольствие. Значит, тоже было желание равняться на загнивающий Запад?

– Да ничего не было! – раздраженно отозвался Дементьев. – Сами же говорите – определенный круг общения. Поневоле приходится соответствовать. Но, чувствую, моему терпению приходит конец. Пусть другие... И ведь вы

посмотрите, Леонид, кроме нас с вами, сегодня здесь ни одного дурака!

– Просто мы с вами специально выбрали такое время, чтобы спокойно потренироваться, – напомнил Калинин. – Разве вы забыли?

– Да все я помню! – проворчал Дементьев. – В кои веки взять выходной и так бездарно его потратить! Я бы мог съездить куда-нибудь в деревню, посидеть с удочкой на берегу...

– Опять посидеть! – перебил его Калинин. – Это не дело, Аркадий Дмитриевич. Нужно двигаться. Двигаться! Наше время – время подвижных людей. Кто не движется, тот сходит с круга. А деревня... Какая может быть деревня, Аркадий Дмитриевич? Не смешите меня!

– Между прочим, мы все из деревни вышли, Леонид! – с легким упреком сказал Дементьев. – И вся наша родина – это большая деревня. Там наши истоки. И ваши тоже. Зря вы так нос задираете.

– А я не задираю, – усмехнулся Калинин. – Просто вы опоздали. Деревня умерла. Уже давно. Вы что, газет не читаете? Глобализация неизбежна. Все, что так дорого вашему сердцу, пойдет на свалку истории. Вы сами-то чем занимаетесь? Корпорация «Здоровье планеты»! Тренажеры и специализированные диеты для тех, кто выбирает здоровый образ жизни! Эта ваша продукция по карману знаете кому?

– Представьте себе, знаю! Но я также знаю, что забывать свои корни – безнравственно. Вы моложе меня и, наверное, абстрактно себе представляете, каково это – жить впроголодь, без крыши над головой...

– Бросьте, Аркадий Дмитриевич! – легкомысленно сказал Калинин. – Вы про истоки вспомнили, потому что устали. А мы уже пришли. Сейчас в душе сполоснемся, пивка выпьем, и жизнь заиграет, как бриллиант... Посмотрим, вспомните ли вы про деревню, когда за руль своей «Мазды» сядете и к себе в офис поедете. Комфорт, скорость... Вы ведь поедете в офис, я угадал?

– Надо будет зайти, – буркнул Дементьев. – Развеяться после этой каторги.

Они перевалили через холм, и теперь их глазам открылась уютная зеленая долина, с краю которой находились симпатичные белые домики. От этой картины на душе у Дементьева полегчало.

– Конечно, по большому счету, вы правы, Леонид, – окрепшим голосом сказал он. – Вспять время не повернешь. Наверное, прогресс – это не только приобретения, но и потери, к великому сожалению...

Он остановился, перекинул тяжелую сумку на другое плечо, крикнул и огляделся по сторонам. Сейчас он с большим бы удовольствием растянулся на травке и хорошенько расслабился. Двигаться, конечно, здорово, но иногда нужно просто полежать на травке, бесцельно посмотреть на облака. Молодежь этого не понимает. Ничего, придет и их время.

– Может, позвонить на базу? – спросил он. – Пусть подгонят тележку. В конце концов, за что я плачу взносы?

– Да тут сто метров осталось, Аркадий Дмитриевич! – с веселой укоризной заметил Калинин. – Ну, возьмите себя в руки! Последний рывок. На базе сегодня, по-моему, полный бардак. Хозяин в отъезде, и вся его бражка рассосалась кто куда. Я видел только инструктора и парочку из obsługi. Не факт, что они побегут к нам на полусогнутых. Мы все-таки здесь не котируемся, как VIP-персоны.

– Мне кажется, вы просто решили меня сегодня как следует помучить, Леонид! – полушутливо ответил Дементьев. – Ну, будь по-вашему. Совершим этот маленький подвиг – доберемся до цели на своих двоих. Хотя зря вы говорите, что здесь сегодня никого нет, – смотрите, бежит кто-то. Сразу четверо, с клюшками, по-моему. Странно что-то. Чего они бегут? Случилось что?

Леонид, приставив козырьком ладонь ко лбу, всмотрелся в группу людей, которые бежали поперек поля для гольфа, направляясь в их сторону.

– Откуда же они взялись? – недоуменно пробормотал он. – Там одни кусты... Может, из ближайшей деревни? Накликали, Аркадий Дмитриевич! Смычка города и деревни сейчас будет. Не нравится мне, что у этих ребят в руках дубинки. Может, у них корову украли?

– Что вы несете, Леонид? Какую корову? Это специально выделенная территория. Ограждение имеется, знаки предупреждающие...

– Ограждение плевое, – возразил Калинин. – А на знаки наш человек и вообще плевать хотел. И знаете что? Позвоните-ка действительно на базу – скажите, на территории чужие люди... Эх, черт, не успеем позвонить!

Бегущие были уже совсем близко. Теперь ясно было видно, что это молодые мускулистые парни, неважно одетые, с решительными лицами. В руках они держали никакие не клюшки и не дубинки – в руках у них были стальные прутья примерно в дюйм толщиной.

Дементьев недоуменно выпятил нижнюю губу, разглядывая эту странную компанию. Калинин же вдруг начал стремительно бледнеть и панически озираться по сторонам. А еще через несколько секунд он не выдержал – сорвался с места и опрометью бросился прочь, в сторону белеющих внизу домиков.

Аркадий Дмитриевич не успел опомниться от внезапного бегства партнера, как на него набежали чужие взмыленные парни, и один из них безо всяких предисловий ахнул Дементьева стальной палкой по выдающемуся животу.

Андрею Дмитриевичу показалось, что сквозь него прошел поезд. Он заорал от боли и, схватившись за живот, покатился по траве.

– Это не он! – хрипло выкрикнул кто-то над его головой. – Гони вон за тем! Быстро, падлы!

Тяжелые башмаки прогрохотали над самым ухом Дементьева. Он отчетливо чувствовал каждый удар каблука в землю. Вдруг один из бегущих остановился и быстро наклонился к Дементьеву.

– Тихо, папаша! – предостерегающе сказал грубый голос. – Раз уж я тебе приварил, давай-ка я тебя обшмонаю. А то получается, что вроде зря я тебя отоварил... О, мобила! И то хлеб! Ну, бывай! И в следующий раз под горячую руку не попадайся, береги себя!

Вывернув у Дементьева карманы, он опять сорвался с места и помчался догонять своих. Аркадий Дмитриевич далеко не сразу смог справиться с болью, которая рвала его внутренности. У него было такое ощущение, будто все его кишки превратились в кровавое месиво. И это сотворил один-единственный удар! Что будет, если эти животные вернуться и захотят расправиться с ним окончательно? Дементьев даже представить боялся, что будет.

Но никто не возвращался, боль, хотя и продолжала неистовствовать в его животе, все же сделалась уже не такой оглушающей и всеобъемлющей, и Аркадий Дмитриевич попробовал подняться. Ему хотелось унести подальше ноги. Кое-как он встал на четвереньки и, находясь в таком несолидном положении, осмотрелся по сторонам. Ему хотелось убедиться, что неожиданный кошмар закончился и к нему вот-вот придут на помощь.

Но ничего утешительного Аркадий Дмитриевич не заметил. На мирной, залитой солнцем поляне продолжалась погоня. Четверо злобных, безжалостных существ гнались за пятым, приличным воспитанным молодым человеком, который едва уносил от них ноги, обтянутые превосходно выглаженными белыми брюками. Кстати, и лицо у Калинина сейчас было примерно такого же цвета, как и его брюки. Напуган он был смертельно – это было заметно даже издали. Из последних сил он мчался под горку – туда, где весело шелестели несколько молодых березок. Не дремучий лес, конечно, но, видимо, Калинин был рад и такому укрытию – путь к воротам и домикам ему отрезали.

Аркадий Дмитриевич, видя этот ужас, неожиданно вдруг вспомнил, как несколько минут назад Калинин доказывал важность движения вообще, а в двадцать первом веке в особенности. Невольно в голове Дементьева мелькнула злорадная мысль, что теперь-то уж Калинин подвигается от души. Впрочем, он тут же устыдился. Калинин был симпатичным человеком, умел слушать и обладал прекрасными манерами. В наше время такое качество почти музейная редкость. При этом Калинин являлся законченным эгоистом, но кто в бизнесе слышет альтруистом? Дементьев полагал, что со временем и бизнес приобретет человеческие черты, но требовать от людей невозможного сейчас было неразумно. Просто нужно поощрять то лучшее, что в них уже заложено.

Одним словом, Калинина надо было спасать. Аркадий Дмитриевич инстинктивно полез в карман за мобильником, но только плюнул с досады, сообразив, что с некоторых пор мобильника у него уже нет. Оставалось одно – добраться до нормальных людей и попросить вызвать милицию.

Дементьев со стонами встал на колени, потом поднялся на ноги. Боль в животе сгибала пополам. Так, полусогнутый, он и поковылял в сторону спасительных домиков, бросив на прощание взгляд по сторонам. На траве осталась валяться сумка с дорогими клюшками, но сейчас было не до нее.

Калинин все-таки успел скрыться под сень деревьев. Преследователи, треща сучьями, ворвались в заросли секундой позже. У Аркадия Дмитриевича волосы зашевелились на голове, когда он подумал, что там сейчас произойдет. Ему захотелось кричать, но кричать он все-таки не стал, боясь привлечь внимание подонков к себе. С него уже хватит. Дай бог, чтобы внутренности остались целы. Еще не хватало сделаться инвалидом в расцвете карьеры! Лучше уж сразу в гроб.

Из-за деревьев донеслись неразборчивые крики. Аркадия Дмитриевича передернуло, но он лишь со страхом оглянулся назад и продолжил свой путь. Опасность придавала ему сил, и через некоторое время он ворвался в домик, где располагалась администрация клуба гольфистов.

Здесь находились четыре человека – черноволосый, смуглый, похожий на индейца, инструктор и трое рабочих, которые обслуживали поле. Они играли в карты. На полусогнутого Аркадия Дмитриевича они посмотрели с любопытством, но не более того. Лишь инструктор спросил сочувственно:

– Живот схватило? Бывает!.. Живот такое дело – прихватит, про все забудешь...

– Скорее! – болезненно сморщившись, выкрикнул Дементьев, держась за дверной косяк. – Там Калинина убивают! Да не сидите вы как чурбаны! Убьют ведь!

Картежники несколько секунд напряженно смотрели на него, словно пытаясь понять слова незнакомого языка, а потом разом вскочили, опрокидывая стулья. Брюнет-инструктор, не задумываясь, шагнул к сейфу в углу комнаты и, к удивлению Дементьева, вытащил оттуда пистолет в мягкой светлой кобуре. Он сунул пистолет назад за пояс и быстрым шагом пошел к двери, раздавая на ходу указания:

– Мужики, пошли со мной! По клюшке захватите, пригодится... Сколько их там? Четверо? Годится... Валентин, ты пока звони в милицию и врача вызови, если требуется! Игорь, заводи свою телегу! На колесах подъедем! Все, пошли!

– Они там, за деревьями! – крикнул вдогонку Дементьев и тяжело опустился на стул, обмякнув, как будто все тело у него было сделано из теста.

Валентин, который втолковывал по телефону дежурному, каким образом лучше доехать до гольф-клуба, закончив разговор, с интересом выглянул в окно, но, ничего там не увидев, разочарованно обернулся к Дементьеву.

– Вы как? – спросил он. – «Скорую» вызвать?

Аркадий Дмитриевич махнул рукой.

– Обойдусь! – мрачно сказал он. – Вроде отпустило. Мне бы теперь до дому добраться. Я там к своему врачу обращусь... Вот гады! Что делают, а? Нигде от них покоя нет. Уже и сюда добрались!

– А что случилось-то? – спросил Валентин.

Аркадий Дмитриевич рассказал. Валентин пожал плечами:

– Никогда тут такого не было. В окрестностях народ тихий. Да тут почти и не живет никто. До ближайшей деревни километров восемь. Ближе из Москвы приехать.

– Значит, из Москвы приехали, – сказал Дементьев. – Не вру же я тебе!

– Да не, я просто удивляюсь, – объяснил Валентин. – Выходит, специально приехали? Странно все это. Может, вам специально кто подстроил?

– С ума сошел? – негодуяще пробурчал Дементьев. – Я тебе кто – отморозок люберецкий? Слава богу, у нас сейчас не девяносто первый...

– Ну, по-всякому бывает, – уклончиво сказал Валентин. – Может, не вас имели в виду, а товарища вашего? Он вообще кто по жизни?

– Кто-кто... Бизнесом занимается товарищ, – ответил Аркадий Дмитриевич. – Легальным бизнесом. Что-то такое с зарубежными турами связано.

– Тоже дело, – еще более уклончиво сказал Валентин. – У меня вот тоже двоюродная сестра в Анталию съездила. В каком-то агентстве путевку брала. Сказала, последний раз. Не понравилось, как обслуживали. Обещали пять звезд, а на самом деле тараканы чуть не по головам ходили и горячей воды не было.

– О чем вы говорите?! – простонал Аркадий Дмитриевич. – Какие, к черту, тараканы! При чем тут ваша сестра?!

– Да просто она, когда вернулась, тоже хотела с тем агентством разобраться, – невозмутимо ответил Валентин. – Только оно уже обанкротилось. Ищи ветра в поле.

– Не думаю, что Калинин имеет какое-то отношение к вашему агентству, – сказал Дементьев. – Человек спокойно играл в гольф, отдыхал, никого не трогал...

За дверью послышался шум, на пороге затопали тяжелые башмаки, и в комнату ввалились люди. Инструктор и двое рабочих тащили на руках человеческое тело, в котором Дементьев с большим трудом сумел узнать своего молодого товарища. Пожалуй, только по одежде он это и смог сделать, хотя шикарные белые брюки Калинина больше напоминали сейчас половую тряпку. Не лучше выглядела и рубашка. Она была разорвана на спине пополам и свисала вниз лоскутами. Но страшнее всего выглядел сам Калинин. Голова его и лицо превратились в сплошное кровавое месиво. В кровоподтеках были руки, грудь и живот. Там, где по телу прошлись стальные прутья, вздулись багрово-лиловые рубцы толщиной в палец. Аркадий Дмитриевич, сообразив, что нечто подобное должно остаться и на его животе, едва не упал в обморок.

Валентин присвистнул и тут же бросился помогать. Вчетвером они уложили избитого человека на диванчик и секунду молча смотрели на него, словно прощаясь. Потом инструктор сказал сквозь зубы:

– Не успели! Мы только отъехали, а они уже за холм перевалили. Ну, мы пока с этим занимались, они, конечно, удочки смотали. У них тут где-то неподалеку машина была.

- Говорю, специально приезжали! – обрадовался Валентин.

Инструктор непонимающим взглядом посмотрел на него, а потом жестко сказал:

- Специально не специально, а приезжали, это точно. Ты «Скорую» вызвал?

- А зачем? – Валентин махнул рукой в сторону Дементьева. – Человек отказался, а...

- Вызывай! – прикрикнул на него инструктор. – Еще не хватало, чтобы он у нас тут концы отдал!

Валентин опять схватился за телефон и стал набирать номер. На «Скорой» пообещали приехать через двадцать минут.

- Я хозяину сто раз говорил, что необходимо охрану увеличить, – задумчиво проговорил, ни к кому не обращаясь, инструктор. – И круглосуточно чтобы. Вы-то как? На самом деле нормально себя чувствуете? – обратился он к Дементьеву.

Аркадий Дмитриевич с содроганием покосился на едва дышащего Калинина и развел руками.

- Не скажу, что блестяще, – признался он. – Но по сравнению... Вот ведь не повезло парню!

Инструктор обернулся и еще некоторое время разглядывал окровавленного человека на диване.

- Да, можно сказать и так, – согласился он после недолгого раздумья. – Хотя, с другой стороны, может быть и повезло – кто знает? Могло быть и хуже.

Снаружи зафырчал мотор, и один из рабочих выглянул в раскрытую дверь.

- Милиция! – деловито сообщил он.

На крыльце застучали шаги, и в помещение вошли трое милиционеров – русоволосый офицер без фуражки и двое сержантов с автоматами через плечо. Офицер внимательно осмотрел всю компанию, покачал головой над неподвижным Калининым и только потом представился:

– Лейтенант Стороженко. Что здесь произошло? Никогда не думал, что гольф такая опасная игра.

– При чем тут гольф, лейтенант? – резко сказал инструктор. – Ворвались какие-то посторонние люди, учинили драку... Место происшествия желаете осмотреть?

– Почему бы и нет? – рассеянно сказал милиционер. – Только лучше не торопиться. Сейчас полковник Гуров подъедет, из Главного управления. Ему за чем-то про все такие случаи докладывают. Теперь тоже доложили. Скоро будет.

Инструктор вздернул голову.

– Из Главного управления? – спросил он. – Интересно.

– Кому как, – пожал плечами лейтенант. – Лично мне не очень. Вы тут мордуетесь, а у меня проблемы.

– Странная постановка вопроса, лейтенант! – нахмурился инструктор. – Во-первых, мы никакого отношения не имеем к этому инциденту. Во-вторых, непонятно, на кого же эти проблемы возлагать, как не на милицию? У нас здесь гольф-клуб, а вы за свою работу зарплату получаете?

– А вы видели ее, эту зарплату? – с вызовом спросил лейтенант. – Знаю я вас, гольфистов. Вы за такие деньги плюнуть поленитесь... И хватит мне тут мозги пудрить. Сейчас протокол составим. Кто свидетели? Ваша вот как фамилия?

Он нашел свободное место у окна, присел на стул и, хмурясь, вытащил из папки с документами несколько листов чистой бумаги.

– Тимохин моя фамилия, – сказал инструктор. – Тимохин Александр Иванович. Не женат, под судом и следствием не состоял.

– Меня ваше семейное положение не интересует, – отрезал Стороженко. – Сообщите, что можете сказать по делу!

Инструктор не успел ничего сообщить, потому что за стенами домика опять послышался звук автомобильного мотора, а потом на пороге появился высокий, представительный мужчина с легкой сединой на висках и внимательными, чуть печальными глазами. Он был одет в серый, прекрасно сидящий на его атлетической фигуре костюм. Верхняя пуговица на белоснежной рубашке расстегнута, но даже эта легкая небрежность казалась совершенно необходимой деталью туалета.

– Полковник Гуров, – представился он, показывая служебное удостоверение. – Я не ошибся – здесь произошло нападение? Ага, вижу, что здесь... «Скорую» вызвали? Почему до сих пор нет? Наберите номер – я сам с ними поговорю!

– Едут уже! – предупредил инструктор, выглядывая в окно.

За окном мелькнула белая санитарная машина.

– Ну и отлично! Тогда начнем работать! – заявил Гуров. – Со мной полковник Крячко, он тоже будет с вами беседовать. Должен предупредить, что протокола мы вести не будем, так что всю эту историю вам придется еще раз повторить следователю. Однако попрошу отнестись к своим показаниям со всей ответственностью. Пока столь агрессивные граждане находятся на свободе, никто из нас не может быть спокоен за свою жизнь, согласны? Поэтому призываю вас помочь розыску.

– А место осматривать будете? – мрачно поинтересовался инструктор Тимохин. – Ну, где этих двоих отметили? Или тоже на следователя оставите?

– Будем, – сказал Гуров. – Но попозже. Сначала хотелось бы услышать, что здесь произошло. С самого начала.

Инструктор ткнул пальцем в скособочившегося на стуле Дементьева.

– Второй потерпевший, – лаконично объяснил он.

Гуров кивнул и подсел поближе к Дементьеву. В этот момент вошли люди в белых халатах, а следом за ними веселый, плотного телосложения мужчина в распахнутой на груди клетчатой рубашке и вытертых джинсах. Он быстро осмотрелся, оценил обстановку и, наклонившись к лейтенанту, о чем-то негромко его спросил. Тот поднялся и поманил к себе инструктора. Втроем они вышли из домика. Вскоре за ними последовали медики, которые, поставив Калининну капельницу, уложили его на носилки и понесли в машину.

Когда все стихло, Гуров начал допрос.

Глава 3

– Ну и что, усматриваешь связь между этими двумя случаями? – спросил полковник Крячко, когда они вдвоем с Гуровым усаживались в машину. – Честно говоря, мне все это представляется чем-то вроде игры в кости. Хочется, чтобы три раза подряд выпали одни шестерки, но в реальности такого почти никогда не бывает.

– Вся наша жизнь – игра, – заметил Гуров, заводя мотор и выезжая с территории гольф-клуба. – Но твоё сравнение неудачно. Скорее я как исследователь-ботаник, который сортирует растения по сходности признаков, всяких там тычинок, пестиков... Ты ведь отлично знаешь, что преступники не стремятся разнообразить арсенал своих приемов, действуют по шаблону. Почему не предположить, что то же самое было и в этих двух случаях?

– Ну, взять палку в руки и дать по башке ближнему – до этого еще неандерталец додумался, – возразил Крячко. – Ничего похожего на почерк я тут не вижу.

– Может быть, может быть, – хмыкнул Гуров. – Но, поскольку в данном случае по башке получил особенно близкий мне человек, я пристрастен. Дую, как говорится, на воду.

– А как твоя голова, кстати? – спросил Крячко. – Тебе же доктор велел не менее десяти дней отлеживаться, а ты тут дуешь на воду, как одержимый. Я за тебя волнуюсь.

– Голова побаливает, – признался Гуров. – Но не настолько, чтобы прохлаждаться в постели. У нас и без того куча народу валяется. Гражданин Смагин, которому я по нечаянности ногу сломал, осветитель Пчелинцев, теперь вот некий Калинин... Его товарищ по несчастью, Дементьев, я полагаю, тоже завтра сляжет. Не из той он породы, чтобы железным прутом по брюху получить и ходить дальше как ни в чем не бывало.

– Но зато он единственный, кто хоть что-то нам рассказал, – сказал Крячко. – Хотя толку от его рассказа... Нет, Лева, обычное уличное хулиганство. Мотивации мизерные, следов нет, свидетели противоречат друг другу... Правда, Смагин... Как ты думаешь, он действительно Смагин или ляпнул эту фамилию, чтобы врачи от него отстали?

– Может, и ляпнул. Вероятнее всего, ляпнул, потому что пока никаких таких Смагиных в базе данных МВД не обнаружено. Но этот вопрос, к счастью, не такой уж неразрешимый. Нога удерживает этого «бейсболиста» лучше всякой подписки о невыезде. Я созванивался сегодня с отделением, где он лежит. Он прооперирован, состояние его улучшается, и врачи не возражают, чтобы мы его допросили. Хочу прямо сейчас туда и проехать.

– Да, это хорошо, что ты именно ногу ему поломал, – деловито сказал Крячко. – Очень удачно получилось. Что-нибудь другое – и только бы мы его и видели. Ведь ты вроде говорил, что прокуратура ему даже обвинения не выдвинула?

– Вот именно, – кивнул Гуров. – Проходит пока как свидетель. С уклоном в сторону потерпевшей стороны. Пострадал от нападения неизвестных хулиганов. Прогуливался по ночной Москве, дышал весенним воздухом, а тут выскочили из подворотни... Слава богу, хоть меня в обвиняемые не записали! Низкий поклон за это! ОБЛАГОДЕТЕЛЬСТВОВАЛИ, нечего сказать.

– Да, в юридической практике иногда получаются удивительные повороты, – согласился Крячко. – Может быть, и хорошо, что ты получил по башке, Лева. А то бы приписали тебе превышение пределов необходимой обороны, а то и еще что похуже. Мария-то как? Для нее это было, наверное, жутким потрясением?

– Мария ругается, – улыбнулся Гуров. – Тоже все талдычит про постельный режим. Хорошо, что этот чертов итальянец загрузил их работой. С утра до вечера репетиции, а то бы она мне житья не дала. А вообще она молодец. Если

бы не жена, вряд ли бы мы с тобой сейчас разговаривали.

– Да, есть еще женщины в русских селеньях, – закивал Крячко. – Но ты тоже молодец, между прочим. На шестерых с бейсбольными битами – с одним только удостоверением... Это прямо цирковой номер!

– Посмейся, посмейся! – с угрозой сказал Гуров. – Взглянул бы я на тебя в подобной ситуации!

– А чего тут глядеть? – авторитетным тоном заявил Крячко. – Действовать надо было, в принципе, иначе. Нужно было таранить основные силы машиной, а уже оставшихся в живых противников дорабатывать с помощью трофейного оружия, которое они в панике побросают. Лично я сделал бы именно так. Но тут, конечно, тебя можно понять. У тебя машина поновее.

– Ты боевиков много на ночь смотришь, – заметил Гуров. – У нас все-таки не Голливуд. Зато теперь в том переулке постоянно катается патрульная машина. Тоже на воду дуют. Только вряд ли эта история повторится.

– Думаешь, это не ваши, не местные?

– Я думаю, что это кто-то намеренно сводил счеты с Пчелинцевым. В театре этого человека недолюбливают. Сложный, заносчивый, непредсказуемый. Выполняет свои обязанности так, будто одолжение всем делает. В принципе, так оно и есть, видимо. Не на зарплату же он «Ламборджини» купил. Значит, театр – это для отвода глаз. К сожалению, пока ничего насчет скрытой жизни господина Пчелинцева мы с тобой не нашли. Сам он в коме и сказать ничего не может. Единственная версия, которая пока приходит мне в голову, – запланированное покушение, замаскированное под уличное хулиганство. Пчелинцева, скорее всего, дожидались возле театра. По дороге домой в тихом переулке его догнал автомобиль и подрезал так, что Пчелинцев поцеловал столб. А дальше началось учение уму-разуму. Автомобиль их я мельком видел – битый-перебитый «Москвич», его сейчас усиленно ищут, но не факт, что найдут. Самый реальный путь выяснить истину – поговорить по душам с гражданином Смагиным. Нужно проверить по картотеке его отпечатки пальцев – в суматохе про это все забыли. Или хотя бы намекнуть ему, что проверим. По-моему, такое заявление сделает его куда сговорчивее.

Они подъехали к воротам больницы, где их остановил охранник. После недолгих переговоров и ознакомления с документами их пропустили на территорию больницы.

Больница была новая, из нескольких корпусов, расположенных на практически голой асфальтированной площадке размером с четыре футбольных поля. Здесь и сейчас велось строительство. Для удобства ограда с одной стороны была разобрана, и через образовавшийся проем на территорию въезжала техника, подвозились стройматериалы и вывозился мусор. Некоторые посетители, особенно на колесах, также предпочитали пользоваться этими импровизированными воротами, так что присутствие охраны на входе выполняло в настоящий момент роль декоративную. Гуров мысленно отметил этот факт, не подозревая, что он имеет куда большее значение, чем это могло показаться на первый взгляд.

Им нужно было подъехать к самому дальнему корпусу, находившемуся за зданием кухни и подстанцией, способной обеспечивать больницу автономным электроснабжением на случай какой-нибудь непредвиденной ситуации. Торец корпуса выходил на гараж, где стоял служебный транспорт. Надземным переходом корпус соединялся с другим корпусом, поменьше, где располагалась лаборатория.

Еще не добравшись до места, Гуров и Крячко обратили внимание на толпу людей, суетившихся возле здания. Отчасти это было похоже то ли на толкучку, то ли на игру в наперстки. Такое поведение показалось Гурову странным и настораживающим. Ничего подобного видеть на территории больницы ему прежде не доводилось. Он без колебаний направил свой «Пежо» в ту сторону, где наблюдалось скопление людей.

Из машины они с Крячко выскочили одновременно. Предположениями между собой они не обменивались, но у обоих сердце сжималось от недобрых предчувствий.

– Что тут у вас произошло? – спросил Гуров у молоденькой девушки в белом халате, которая стояла с краю волнующейся толпы.

Она оглянулась и посмотрела на него большими, полными любопытства глазами.

– Ой, говорят, там из окошка человек выпал! – замирающим от священного ужаса голосом сообщила она. – Насмерть!

Гуров, не церемонясь, растолкал толпящихся зевак и пробился к самому центру людского водоворота.

– Пропустите! Милиция!

Наконец он увидел страшную картину – распластанное на асфальте человеческое тело, больше похожее на муляж, изготовленный для съемок фильма ужасов, неестественно вывернутое и даже как будто сплющенное, опутанное бинтами и какой-то проволокой. Пижама, в которую был одет погибший, в некоторых местах пропиталась темной багровой кровью. Одного взгляда Гурову хватило, чтобы узнать в этом человеке Смагина.

Он вскинул голову и увидел на четвертом этаже распахнутое настежь окно.

– Вот так попали, на ровном месте да мордой об асфальт! – пробормотал он себе под нос любимую присказку, которая в данных обстоятельствах приобрела весьма актуальный и зловещий смысл.

– Я иду, а тут тр-р-рах! – растерянно произнес рядом какой-то длинный парень в рабочей спецовке. – Хорошо, он заорал. Я назад отпрыгнул, а то бы точно сейчас два трупа было! – Он беспомощно развел руками.

Гуров посмотрел на его изумленное бледное лицо:

– Когда это произошло?!

– Да вот только что, – сказал кто-то за спиной Гурова. – Ну, может, с полминуты прошло...

Он оглянулся, нашел в толпе Крячко, махнул ему рукой.

– Последи за выходом! – крикнул Гуров, срываясь с места. – Я наверх!

Он помчался к дверям корпуса так, будто хотел поставить мировой рекорд на стометровке. Влетел в просторный холл, распугав мирных посетителей, и устремился к лифту.

Его поведение очень не понравилось царственного вида даме, сидевшей при входе за столом справок. Она сорвалась с места и рванула наперерез Гурову, пытаясь поставить ему заслон своим довольно внушительным бюстом, который, как таран, выпирал из белого халата.

– Мужчина, куда вы?! – грозно спросила она хорошо поставленным голосом и расставила пошире руки, намереваясь поймать Гурова в свои объятия.

Гуров задержался на мгновение, бережно, но решительно подхватил даму за не вполне осиную талию, оторвал от земли и в одну секунду посадил на барьер пустой раздевалки. С ноги дамы свалилась туфелька и цокнула, коснувшись узорной плитки, которой был выложен пол в холле. На лице дамы появилось выражение такого удивления, словно ее только что похитили марсиане.

Гуров успел еще отвесить ей легкий поклон и немедленно двинулся дальше. Точнее, он просто вломился в кабину лифта и, не обращая внимания на других претендентов, тут же нажал на кнопку с цифрой «4».

– Просто хамство какое-то! – услышал он запоздалые негодующие выкрики за смыкающимися дверями.

– Прощения попросим после победы, – виновато пробормотал себе под нос Гуров. – Кто не успел, тот опоздал, а мы и так уже к шапочному разбору прибыли...

Секунды, которые занял подъем лифта на нужный ему этаж, показались Гурову вечностью. Он даже не стал ждать, пока полностью раскроются двери – выкарабкался из лифта, как утопающий из погибающей субмарины. На него уставилось несколько пар глаз – кажется, его безоговорочно приняли за сумасшедшего. Никто даже слова ему не сказал. Зато он без предисловий подскочил к человеку в белом халате, который стоял к нему ближе всего, и, едва не схватив его за грудки, выпалил прямо в лицо:

– Кто тут был?!

Как ни странно, но медик понял Гурова с полуслова. Он ткнул пальцем в глубь коридора и быстро сказал:

- Видели, как выходил из палаты человек в рабочей одежде. Медсестра сделала ему замечание. Но в этот момент со двора начали кричать, и она отвлеклась. Мы все тут в шоке.

- Куда он пошел? Видел кто-нибудь? - нетерпеливо спросил Гуров.

Медик опять ткнул пальцем в ту же сторону:

- Туда. Я думаю, он через переход решил уйти в другой корпус.

- В палате ничего не трогать! - уже на бегу выкрикнул Гуров. - Никого не пускать!

Он пробежал по длинному коридору, вызвал везде переполох, напугал больных и, найдя наконец дверь, оказался в надземном переходе. Гуров преодолел его также бегом и ворвался в коридор лаборатории.

Здесь было гораздо тише и спокойнее, чем в лечебном корпусе. Однако топот гуровских ног тут же привлек внимание работников лаборатории, которые почти разом повыглядывали из своих кабинетов.

- Что происходит?! - высоким голосом произнесла худая, строгого вида женщина в очках. - Здесь лаборатория! Здесь не футбольное поле! Что вы здесь разбегались?!

- Спокойно, товарищи! - провозгласил Гуров, на ходу демонстрируя свои «корочки». - Кто-нибудь видел человека в рабочей одежде? Он должен был очень спешить.

- Как вы? - ядовито уточнила женщина в очках.

- Не отвлекайтесь, - сказал Гуров. - Это опасный преступник.

– Я видела! – с жаром сказала совсем крошечная женщина в зеленоватой медицинской униформе, лицо которой было почти полностью закрыто марлевой повязкой. – Я как раз в общую диагностику шла, а он из соседнего корпуса появился. Правда, торопился ужасно! И все глазами по сторонам зыркал. Я еще подумала, что он заблудился и не знает, как ему к выходу пройти. Но он ничего не спрашивал, а я торопилась...

– Все торопятся! – не удержалась строгая женщина в очках. – Все ужасно деловые, а по отделению посторонние разгуливают, преступники!

– Не отвлекайтесь! – еще раз попросил ее Гуров и обернулся к той, что была в маске: – Дальше! Дальше что?

– Да ничего, ушел он, – обиженно сказала она. – Вон в ту дверь. Там пожарный выход. Только он внизу заперт, потому что на первом этаже главный приказал мешки с цементом сложить. А чтобы выйти, придется опять выше подниматься...

Гуров мысленно поблагодарил главного врача, который так злобно и так кстати нарушил противопожарную безопасность. Вслух он благодарить никого не стал, а сломя голову помчался к пожарному выходу. Он очень надеялся, что неизвестный злоумышленник так же плохо знаком с обычаями больницы, как и он сам, и еще бродит по лестницам в поисках выхода.

Строгая женщина в очках неодобрительно покачала ему вслед головой, но на всякий случай распорядилась закрыть в лаборатории все двери, чтобы предотвратить дальнейшее проникновение в лабораторию преступных элементов, и отправилась звонить главному врачу, чтобы сообщить о критической обстановке, которая создалась в больнице. Звонки ее остались без ответа, потому что главному уже доложили о ЧП, случившемся в травматологическом отделении, и он сразу же отправился туда, прихватив с собой всех замов и категорически запретив секретарше в течение получаса отвечать на любые звонки.

А Гуров летел вниз по лестнице, рискуя сломать себе шею, потому что именно это место в больнице показалось кому-то наиболее удобным для складирования всяких подручных материалов – здесь стояли какие-то ящики, банки, уложенные в бухту электрические провода, хозяйственный инвентарь и даже туго перевязанные пачки какой-то серьезной литературы. Возможно, это

происходило оттого, что до этой лестницы не добирались инспектора пожарной охраны, а возможно, подобное творилось и по всей больнице – разбираться в этом Гурову было недосуг. К тому же это был как раз тот случай, когда нарушение правил оказывалось благим делом, и Гуров еще раз мысленно поблагодарил местных хозяйственников, которые, сами того не предполагая, выстроили на пути преступника что-то вроде линии Маннергейма в миниатюре.

В какой-то момент Гурову даже показалось, что он уже почти догнал беглеца. Совсем рядом хлопнула боковая дверь, но шагов после этого не было слышно – значит, человек, открывший дверь, не выходил на лестницу, а, наоборот, с лестницы проследовал в коридор второго этажа. Именно так должен был поступить преступник, обнаружив, что запасной вход внизу наглухо замурован мешками с цементом.

Гуров скатился по ступенькам, для очистки совести заглянул вниз и тут же без колебаний бросился к двери, которая вела в помещения второго этажа. Он оказался в пустом коридоре, с одной стороны которого располагалось несколько дверей с белыми табличками наверху, а с другой стороны – широкие окна, выходившие прямо на строительную площадку. Читать, что написано на табличках, было некогда, потому что в конце коридора Гуров увидел человека – крепкого мужчину среднего роста, в серой рабочей робе и синей бейсболке, надвинутой на самые брови. Тот явно торопился, продвигаясь по коридору почти бегом и озабоченно вертя по сторонам головой, – ему хотелось побыстрее выбраться из неуютных стерильных коридоров на свежий воздух. Шум за спиной привлек его внимание. Человек обернулся, увидел бегущего к нему Гурова и, не проявив никакого любопытства по этому поводу, сам тут же рванул с места в карьер.

– Стоять! – рявкнул Гуров, которому уже порядком надоела беготня по такому серьезному заведению, как больница. – Стоять! Милиция!

Человек в бейсболке не проявил никакого интереса к предложению Гурова, а, наоборот, побежал так быстро, что весь коридор наполнился гулом, будто по нему шел невидимый поезд. Гурову тоже пришлось увеличить скорость, и около выхода на главную лестницу ему почти удалось настичь убегающего.

В русских сказках при бегстве герои бросают через плечо то гребенку, то перстенок, то еще какую-нибудь безделушку, осложняя тем самым жизнь своим преследователям. У мужика в бейсболке ничего этого, видимо, не было, поэтому

он воспользовался подручными средствами и на бегу опрокинул под ноги Гурову тяжеленный кварцевый светильник, стоявший у входных дверей. Тот рухнул на выложенный кафелем пол с ужасающим грохотом и разлетелся вдребезги.

Тяжесть у этого предмета была приличная, и если бы Гуров вовремя не среагировал, хромированной стойкой ему запросто могло перешибить ноги. Однако в последний момент Гуров высоко подпрыгнул, перемахнул через препятствие и в прыжке навалился сзади на беглеца. Оба не устояли на ногах и покатались в обнимку по полу.

На необычный шум из кабинетов начали выскакивать люди. Кто-то ахнул, кто-то нервным голосом пригрозил вызвать милицию. Однако вмешиваться в единоборство двух здоровых мужиков не решился никто.

А противник Гурову достался действительно недюжинной силы. Собственно говоря, вряд ли можно было ожидать чего-то другого – человек, сумевший за считанные секунды выбросить в окно пациента (тоже, кстати, далеко не лилипута) вместе с его гипсом и противовесами, слабаком оказаться не мог никак.

Гуров попытался сразу подмять его под себя, но не тут-то было – соперник сделал стойку, хрипло прорычал грязное ругательство и вырвался, отбросив Гурова к стене. А сам тут же вскочил, потеряв кепку, и, наклонив голову, как нападающий в регби, хотел проскочить через дверь на лестницу.

Гуров сам удивился, с какой резвостью ему удалось подняться на ноги. Но это ему удалось, и он перекрыл выход. Они с мужиком стояли лицом к лицу, точно два борца на ковре, готовые переломать друг другу кости ради победы.

В какой-то момент противник Гурова смекнул, что обычным путем уйти ему не дадут. Он сделал угрожающий замах и, едва Гуров слегка отпрянул, вдруг повернулся и бросился к ближайшему окну. С разгона он врезался каменным плечом в перекрестье оконной рамы, переломил его как спичку и с треском и звоном провалился за окно, точно в пропасть упал.

Все проклятья персонала достались теперь одному Гурову, в котором люди, видимо, не чувствовали для себя серьезной угрозы. Ему персонально пригрозили милицией, и кто-то даже побежал туда звонить. Гуров и тут не стал ничего

объяснять. Он просто взлетел на подоконник и уже проторенным путем выпрыгнул наружу.

Ему показалось, что для второго этажа получилось высоковато – встряхнуло его основательно. Когда Гуров твердо встал на ноги, беглец уже наярывал в сторону того самого пролома в ограде, через который на территорию больницы въезжали все кому не лень.

– Я тебя достану! – пробормотал Гуров, устремляясь в погоню.

На бегу он вынул из кармана мобильник и ухитрился набрать номер.

– Стас! Заводи тачку! – заорал он. – И гони к дыре! Понял?

Крячко понял. Он догнал Гурова, когда тот, обогнув стройку, бежал к импровизированным воротам. Крячко резко затормозил, и Гуров прыгнул на переднее сиденье. Ни о чем не спрашивая, Крячко ударил по газам, и они вылетели за ограду, едва не столкнувшись с грузовиком, в кузове которого громоздилась гора кирпичей.

Они успели вовремя. Мужик в рабочей одежде спешно влез за руль основательно побитого «москвичонка», завел его и рванул в сторону шоссе Энтузиастов.

– Этого сукина сына упускать нельзя! – грозно сказал Гуров.

– А и не будем! – рассудительно отозвался Крячко. – Тут даже и сравнивать нечего. На своем драндулете он до первой кочки не доедет.

Однако довольно резво попетляв по переулкам, где его было трудно нагнать из-за интенсивного в этот час движения, «Москвич» вдруг резко изменил маршрут и, вместо того чтобы ехать в сторону шоссе, повернул к железной дороге.

– Надеется, как в кино, проскочить перед поездом, – ухмыльнулся Крячко. – Так это еще поезд нужен!

«Москвич» действительно устремился к железнодорожному переезду. Похоже, беглец и в самом деле надеялся оторваться по сценарию Крячко. И кое в чем ему повезло.

Шлагбаум на переезде был опущен. Перед ним уже выстроился ряд машин, чадящих выхлопными трубами. Поезда еще не было видно. Водитель «Москвича» не стал никого дожидаться и направил машину по встречной полосе прямо на шлагбаум. Угрожающе проскрежетав шинами о бордюры, он с разгону раскрошил полосатую планку шлагбаума, пересек рельсы и помчался дальше под возмущенный рев клаксонов. Впрочем, возмущение это относилось в равной степени и к обоим оперативникам, которые на «Пежо» в точности повторили маневр «Москвича».

Впереди открылась довольно длинная прямая улица. Машин здесь почему-то было совсем немного, Крячко безбоязненно увеличил скорость и стал стремительно нагонять «Москвич». Это вызвало у преследуемого панику. Он свернул в первый попавшийся переулочек, потом в другой и неожиданно снова выскочил к железной дороге. Между ним и «Пежо» оставалось не более двадцати метров, и это оказалось решающим фактором в поведении бегльца. Он подпустил «Пежо» совсем близко, а потом внезапно и резко затормозил.

Крячко изо всех сил вдавил в пол педаль тормоза, но было поздно – «Пежо» врезался в багажник «Москвича». Гурова и Крячко швырнуло вперед. Гуров слегка ткнулся лбом в ветровое стекло, и этот удар отозвался в голове пульсирующей болью. Гуров выругался.

– Не дрова везешь! – проворчал он, покидая машину.

Крячко выскочил прежде его и сразу же бросился вдогонку за водителем «Москвича», который уже на своих двоих улепетывал в направлении железнодорожного полотна. Видимо, он не слишком был уверен в своих спринтерских способностях, потому что то и дело озирался через плечо. Но некоторое преимущество у него все-таки было.

Гуров и Крячко молча бежали по его следам, вызывая удивление многочисленных прохожих. Мужик удирал от них даже с какой-то ленцой, как бы понимая, что шансов у него практически никаких. Он почти шагом вскарабкался на насыпь, и тут, оглушительно свистя, по одной из веток покати

маневровый локомотив. Мужик ожил и, мгновенно прибавив скорость, помчался ему наперерез.

– Ах, собака! – пробормотал на бегу Крячко. – Что задумал, гад! На попутке уехать!

Беглец, перепрыгивая через рельсы, подбежал к самому локомотиву и понесся теперь параллельно с ним, намереваясь вскочить на ступеньку металлической лестницы. Трюк был не из самых простых, потому что локомотив набрал уже приличный ход.

Гуров и Крячко с досадой наблюдали, как их объект в отчаянном прыжке прилипает к борту локомотива и в таком виде уносится прочь по сверкающим рельсам. Гуров сплюнул на шпалы:

– Ну что ты будешь делать!

– Я знаю, что делать! – мстительно пробурчал Крячко.

Гуров обернулся. В руках у Крячко, будто по волшебству, возник пистолет Макарова. Прищурив один глаз, Крячко навел дуло на удаляющийся локомотив.

– Охлонись! – рявкнул Гуров. – Только этого нам еще не хва...

Но прежде чем он успел договорить, Крячко плавно нажал на спусковой крючок. Бабахнул выстрел, эхом прокатившись по насыпи и растаяв в шуме железной дороги.

Беглец, уже, видимо, торжествовавший победу, вдруг дернулся, разжал руки и, оторвавшись от локомотива, полетел вниз, на черный от мазута гравий. Он упал как мешок, два раза перевернулся и замер лицом вниз между путями.

– Если он труп, – сказал Гуров, – то мы с тобой в дерьме по уши. Схватываешь на лету?

– Да не, не должен, – серьезно сказал Крячко, пряча пистолет в кобуру. – Я в руку метил. В руку и попал. Во всяком случае, хочется на это надеяться.

– Пошли в таком случае, посмотрим, – мрачно предложил Гуров.

Спешить было некуда – человек в рабочей спецовке лежал, не шевелясь, неловко вывернув руку. Вид его рождал в душе Гурова самые неприятные предчувствия. Полковник Крячко тоже выглядел не слишком веселым. На Гурова он старался не смотреть.

Подошли ближе. Видимо, услышав скрип гравия, раненый поднял голову – лицо его было исцарапано и перемазано в мазуте – однако глаза смотрели ясно и безо всякого страха. Опираясь на левую руку, он приподнялся и сел на шпалу.

– Живой? – с облегчением спросил Крячко.

Раненый с сожалением посмотрел на свою неподвижную правую руку, но усмехнулся и сказал небрежно:

– А чего мне сделается? Вы-то как, господа менты, не запыхались? Ну и слава богу!.. Закурить дадите, что ли?... Перед дорожкой надо бы. Я свои в машине оставил.

Глава 4

Степан Лагутин раз за разом тыкал пальцем в кнопки телефонного аппарата, но в трубке раз за разом раздавался обезличенный вежливый голос: «Абонент временно недоступен...» Лагутину казалось, что он слушает какую-то заезженную пластинку, надоевшую, как зубная боль. Телефон стоял на столике напротив старого потемневшего зеркала, которое досталось его родителям в наследство то ли от бабушки, то ли от прабабушки. Отражение в нем получалось мутное и какое-то пугающее. Смотреться в зеркало не хотелось, но и выбрасывать было жалко. Но видок у Лагутина в этом зеркале сейчас был совсем скверный. Как говорится, краше в гроб кладут. Зеркало ужасов.

Телефон стоял именно здесь, и шнур короткий – от зеркала никуда. А с мобильного Лагутин позвонить уже не мог, потому что мобильник свой – очень приличную модель – он накануне толкнул за полцены. А что делать, если он всем

должен и денег не остается даже на самое необходимое? Это накапливается как снежный ком – стоит только выпустить ситуацию из-под контроля на какой-нибудь день. А у Лагутина уже месяц такой нервозности, и конца ей не видно.

Но главную мысль он никак не хотел признать – гнал ее от себя, как смертельно ядовитое насекомое, как какую-нибудь муху цеце. Проще было думать, что все, что с ним случилось, – не более чем временные трудности. Разыскать Костенкова – и все разъяснится, все встанет на свои места. Думать так было куда проще – вот только Костенков уже который день не отвечал ни на какие звонки. Домой к нему Лагутин тоже попасть не мог – соседи утверждали, что Костенков не появлялся дома уже вторую неделю. Само по себе это не было странным – Костенков был мобильный человек и жить мог в самых неожиданных местах, чаще всего у одной из своих многочисленных любовниц. Увы, Лагутину их адреса неизвестны. Поэтому он целыми днями терзал телефон, даже мозоль на пальце набил.

В общем-то, это было то, что называют соломинкой для утопающего. В глубине души Лагутин понимал, что Костенков ему уже не ответит. Нужно включать мозги, соображать, как поскорее выпутываться из губительной ситуации, но на Лагутина как будто столбняк нашел. Точно незадачливый игрок за карточным столом, он тупо просил сдать себе еще, снова проигрывал и снова ждал, что все изменится и следующая карта непременно принесет ему удачу.

Но удачи не было. Была катастрофа. Партия мобильных телефонов, которую обещал поставить Костенков по бросовым ценам, превращалась в мираж, банк, где под это дело Лагутин взял краткосрочный кредит, требовал расчета, подошло время платить очередной взнос за аренду помещения, в котором располагался крошечный магазинчик Лагутина, где-то поблизости крутился налоговый инспектор – и это не считая прочих мелочей, требовавших постоянной оплаты. И помочь Лагутину никто не мог. Никто из его знакомых не располагал свободными деньгами, да и крутился он в основном в одиночку. Партнером, да и то непостоянным был у него именно Костенков. Но вот теперь Костенков, похоже, решил его кинуть, если говорить прямо, и все осложнилось до предела. Был, правда, у Лагутина поручитель, который теперь периодически крыл его по телефону последними словами, – Борисов Анатолий Борисович, дядя со стороны матери, занимавший не последнее место в строительном бизнесе, человек крайне своенравный и неуступчивый. То, что он согласился выступить в качестве поручителя, само по себе было маленьким чудом. «Делаю это из уважения к памяти твоей матери, – сурово сказал он. – Подведешь – голову оторву».

Голова у Лагутина пока еще была на плечах, но он чувствовал, что держится она совсем некрепко. Может быть, еще и поэтому он не мог додуматься ни до чего более оригинального, чем бессмысленно названивать Костенкову по оглохшему телефону.

«Полный отстой! – обреченно подумал Лагутин, кладя трубку на аппарат. – Что же мне теперь делать? Где этот сукин сын? Неужели он и в самом деле решил так примитивно меня кинуть? Столько лет мы друг друга знаем, дела вместе делали, и вдруг такая подлянка... За такие вещи точно голову отрывать надо. Может, пойти к дядьке? Бухнуться в ноги – пускай выручает. Наверняка у него есть свои каналы, по которым можно выйти на серьезных людей, помогающих возвращать долги. Правда, такая помощь тоже стоит больших денег. Что в лоб, что по лбу. Если только дядька войдет в положение, проявит родственные чувства, растрогается...»

Но Лагутин отлично знал, что легче растрогать памятник Юрию Долгорукому, чем его дядю. В общем-то, наверное, сам виноват – по молодости всячески сторонился своего влиятельного родственника. Тот казался Лагутину мужланом и хапугой, грубым, невежественным человеком, признающим только материальные интересы. Увы, времена изменились, и материальные интересы стали главным и в жизни самого Лагутина. Вот только хватка у него оказалась далеко не дядина.

Но надежда все-таки у него была. Анатолий Борисович Борисов очень любил свою сестру, мать Лагутина. Когда четыре года назад она скончалась после тяжелой болезни, дядька взял на себя все заботы о похоронах и проводил сестру в последний путь по высшему разряду, даже памятник на могилке поставил настоящий, мраморный. И когда она болела, помогал лекарствами и деньгами. Вот только племянника он терпеть не мог, держал на расстоянии, немного смягчившись, когда Лагутин открыл собственное дело и стал торговать сотовыми телефонами. Может быть, ожидал, что из чистоплюя все-таки выйдет какой-то толк. Но когда убедился, что дела у племянника идут ни шатко ни валко, снова к нему остыл. А после злополучного кредита так и вообще окрысился дальше некуда.

Лагутин тяжело вздохнул, а рука его сама собой снова потянулась к телефонной трубке. Он спохватился, отдернул ее, но после секундного раздумья все-таки решил еще раз набрать номер.

И снова ему пришлось отдернуть руку, потому что телефон неожиданно взорвался оглушительным звоном, а нервишки у Лагутина шалили вовсю.

Опомнившись, он с тревогой в душе взял трубку и осторожно поднес ее к уху.

- Да, слушаю, - произнес он, стараясь говорить бодро и деловито.

- Лагутин Степан Николаевич? - спросил милый женский голос. - Здравствуйте! Вас беспокоят из банка, из отдела по работе с задолженностью. Вы ведь брали у нас кредит, Степан Николаевич, не так ли? Очень хорошо! Мне поручено еще раз напомнить вам, что срок, на который вы брали деньги, уже закончился. Мы будем вам очень благодарны, если вы в самые кратчайшие сроки погасите задолженность. Хочу вам напомнить, что это и в ваших интересах, так как в случае несвоевременной уплаты будет расти процент...

Лагутин убрал трубку в сторону и тоскливо посмотрел в старинное зеркало. Отражение ему не понравилось - лицо было какого-то трупного желтоватого цвета, с провалившимися черными глазницами. «Лепечут-то ведь какими голосками! - с раздражением подумал он. - Мы рады! Мы вам будем благодарны! А где я возьму эти чертовы бабки?! Это ни одну собаку не интересует!»

- Я заплачу, - сухо сказал он в трубку. - У меня тут возникли небольшие трудности...

- Мы вам всячески сочувствуем, - прежним заботливым тоном произнесла женщина, - но вы не должны забывать и о наших трудностях тоже. Хочу вам напомнить, что мы уже третий раз беспокоим вас по этому поводу. Боюсь, что в случае дальнейшей задержки наш отдел будет вынужден рассмотреть другой вариант...

- Я все понял, - перебил Лагутин. - Заплачу в самое ближайшее время.

Он уже примерно представлял себе этот «другой вариант». Ему уже делали намеки. Это произошло примерно дней пять назад. Когда Лагутин вышел из дома, чтобы еще раз поискать Костенкова, и стал отпирать свою машину, «десятку», купленную с рук, к нему неожиданно подошли двое корректных, одетых в официальные темные костюмы молодых людей. Они поздоровались и, ненавязчиво блокировав Лагутина возле собственной машины, затеяли

негромкую вежливую беседу:

– Простите, Степан Николаевич, что задерживаем, но у нас к вам серьезный разговор. Мы хотим вам напомнить, что долги нужно отдавать. Вот, собственно, и все. Есть кое-какие детали, которые...

– А кто вы, собственно, такие? – делано захорохорился Лагутин, хотя душа у него ушла в пятки.

Корректные молодые люди были атлетически сложены, уверены в себе и как будто излучали некое невидимое поле, которое подавляло волю. Очень легко было себе представить, как эти ребята в такой же аккуратной и тщательной манере пересчитывают тебе ребра.

– Кто мы такие? – задумчиво откликнулся парламентар. – Скажем так, в данный момент мы представляем интересы кредитора. По-моему, этого достаточно. Мы же не официально к вам обращаемся, Степан Николаевич. Говорим по-мужски, рассчитывая на ваш здравый смысл. Вы производите впечатление разумного человека.

– Вы из банка, что ли? – опять перебил Лагутин.

– Нет, мы не из банка, – после небольшой паузы произнес молодой человек. – Мы представляем другую структуру. Но защищаем интересы вашего кредитора. По-моему, этой информации вполне достаточно. И вообще суть дела не в этом. Речь идет о вас. С каждым днем ваше положение становится все более затруднительным. В конце концов оно станет безвыходным. Прошу отнестись к этому предупреждению самым серьезным образом, иначе вы сильно пожалеете о своем легкомыслии.

– Угрожаете? – криво ухмыльнулся Лагутин.

– Если хотите, – слегка поклонился молодой человек. – И это не пустые угрозы, поверьте.

После этих слов они оба вдруг повернулись и как ни в чем не бывало пошли прочь, ни разу не оглянувшись. А Лагутин еще минуты две не садился в машину,

потому что у него тряслись руки и он не мог попасть ключом в скважину дверного замка.

Позже он уговорил себя, что эта интермедия была всего лишь блефом. Легко можно представить, как бы расправился с ним обманутый ростовщик, связанный с криминалитетом, но чтобы в этой роли выступил солидный банк – Лагутин в это не мог поверить. Однако полностью исключать такой возможности нельзя. Сумма, одолженная им у банка, была не запредельной, но и не такой уж маленькой – за полмиллиона рублей сегодня могут и убить, если исчерпают другие методы воздействия. «Интересно, насколько у них хватает терпения в таких случаях? – подумал Лагутин. – Козе понятно, что до бесконечности они ходить за мной не будут. Нет, тянуть дальше нельзя! Я сейчас же пойду к этому засранцу Костенкову и буду долбиться в его дверь, пока не разнесу ее в щепки. А если его и тогда не окажется, пойду валяться в ногах у дядьки. Лучше уж у него, чем у каких-то отмороzków».

Приняв решение, Лагутин почувствовал себя гораздо бодрее. Давно ему нужно было взять себя в руки и приняться за дело всерьез. Ждать у моря погоды – занятие захватывающее, но абсолютно бесперспективное. Но он еще покажет, чего стоит. А Костенков надолго его запомнит.

Предполагая визит к дяде, Лагутин постарался приодеться – надел свой лучший костюм и даже повязал галстук. Он плохо спал последние ночи, и от этого под глазами образовались темные круги – дядя наверняка обратит на это внимание, но тут уж ничего не поделаешь. Нужно хотя бы показать, что мужественно встречаешь невзгоды, – это должно ему понравиться.

Собираясь, Лагутин залез в стол и в глубине ящика отыскал газовый пистолет, очень похожий на настоящий. Он купил его два года назад, но так ни разу и не воспользовался. Почему-то сейчас Лагутину показалось, что оружие в заднем кармане будет кстати. Может быть, обычные слова на Костенкова не подействуют. Очень может быть, что он полезет в бутылку – в таком случае лучше иметь что-нибудь под руками.

Перед уходом Лагутин автоматически бросил мимолетный взгляд в зеркало. Несмотря на все его усилия, отражение по-прежнему выглядело жутковато, как явление из потустороннего мира. Лагутин подумал: «Хорошо бы выбросить к черту это зеркало! Может быть, это оно притягивает несчастья. Где-то я про такое читал. В каком-то журнале. Зеркало – вообще мистическая штука».

Решив плотно обдумать эту ценную мысль по возвращении, Лагутин покинул квартиру и спустился вниз. Он оставлял машину во дворе, потому что гаража у него никогда не было.

Прежде чем сесть за руль, Лагутин хорошенько огляделся. На душе у него свербило. Ужасно не хотелось увидеть поблизости молодых людей, похожих на переодетых спецназовцев. Но кроме мирных жителей, он никого поблизости не заметил.

«Ну, правильно, – подумал он, выезжая со двора на шумную улицу. – Накладно это – пасти меня день и ночь. Сегодня ограничились тем, что позвонили. Завтра, глядишь, еще что-нибудь придумают. Значит, немножко времени у меня в запасе есть».

Но совсем скоро он убедился, что времени в запасе у него на самом деле не осталось. Чтобы добраться до офиса дяди, нужно проехать в Пресненский район, а уже на середине Ленинградского проспекта его начало охватывать беспокойство – какая-то назойливая желтая машина упорно тащила у него на хвосте почти от самого дома. Заметил ее Лагутин не сразу, но потом ни разу не потерял из виду. Она удивительно чисто держала дистанцию – не отставая и не приближаясь: видимо, за рулем сидел профессионал.

Лагутин очень хотел ошибиться, но все более склонялся к мысли, что эта желтая тварь явилась по его душу. Он свернул на Беговую, и желтая машина послушно повернула следом за ним. Сердце у Лагутина упало.

«Чего они задумали? – мрачно подумал он. – Прордыху мне не дадут теперь, что ли? Как бы мне от этой заразы отделаться? Не то чтобы я их сильно боюсь, но противно, когда тебе через плечо заглядывают. Я думал, в банке цивилизованные люди работают. Ну, получилось такое дело – так есть же нормальная процедура, суды, приставы всякие...»

Однако в глубине души Лагутин чувствовал, что не совсем прав. Может быть, не по злему умыслу, но он тоже поступил с банком не совсем цивилизованно. В глазах кредиторов он не более чем примитивный мошенник, не отдающий долги. Вникать в обстоятельства каждого клиента они, разумеется, не обязаны, да и не могут. Но как далеко они собираются зайти в этих своих методах? Где-то Лагутин слышал, что в подобных случаях на недобросовестного клиента

оказывается сильнейшее психологическое давление, но на крайние меры банк не идет, репутация дороже. На это он и надеялся с самого начала. Вот только не ожидал, что психологическое давление окажется настолько сильным. Он теперь постоянно ожидал нападения, физической расправы, и это ожидание угнетало его ничуть не меньше, чем невозможность рассчитаться с долгами.

Он так завелся, что даже изменил свои первоначальные планы и не сразу поехал к Костенкову. С Беговой он свернул на Хорошевское шоссе, потом на Магистральную, при этом почти не отрывая взгляда от зеркала заднего вида, в котором, не исчезая, маячило желтое пятно.

Наконец терпение его лопнуло. Возле парка он остановился, открыл дверцу и вылез из машины, сделав вид, будто ему потребовалось проверить колесо. Желтая машина – это оказалась какая-то японская модель с правым рулем – мягко проехала мимо и тоже остановилась метрах в тридцати от Лагутина. Сквозь заднее стекло смутно маячили две человеческие тени. Выходить никто не торопился.

«Видно, получили задание капать мне на мозги, – с тоской подумал Лагутин. – Теперь даже в сортир провожать будут. Пойти поговорить, что ли? Эх, была не была!»

Он решительно зашагал по направлению к желтой машине. Тени в салоне не шелохнулись. С тем же хладнокровием Лагутина встретили, когда он постучал согнутым пальцем в боковое стекло. Стекло предупредительно опустили и выжидательно посмотрели на сердитое лицо Лагутина. Ни один из сидящих в машине не произнес ни слова.

Фотографической памятью Лагутин похвалиться не мог, поэтому не знал, имеет ли он дело с теми же молодыми людьми, которые недавно навещали его двор. Это могли быть они, а могли быть и не они, хотя сходство имелось несомненное – мощные, будто рубленные из камня челюсти, спокойные, но недобрые глаза, широкие плечи под темными пиджаками.

– Это самое... – волнуясь, сказал Лагутин. – Будете со мной теперь и в сортир ходить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makeev_aleksey/dolg-platezhom-strashen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)